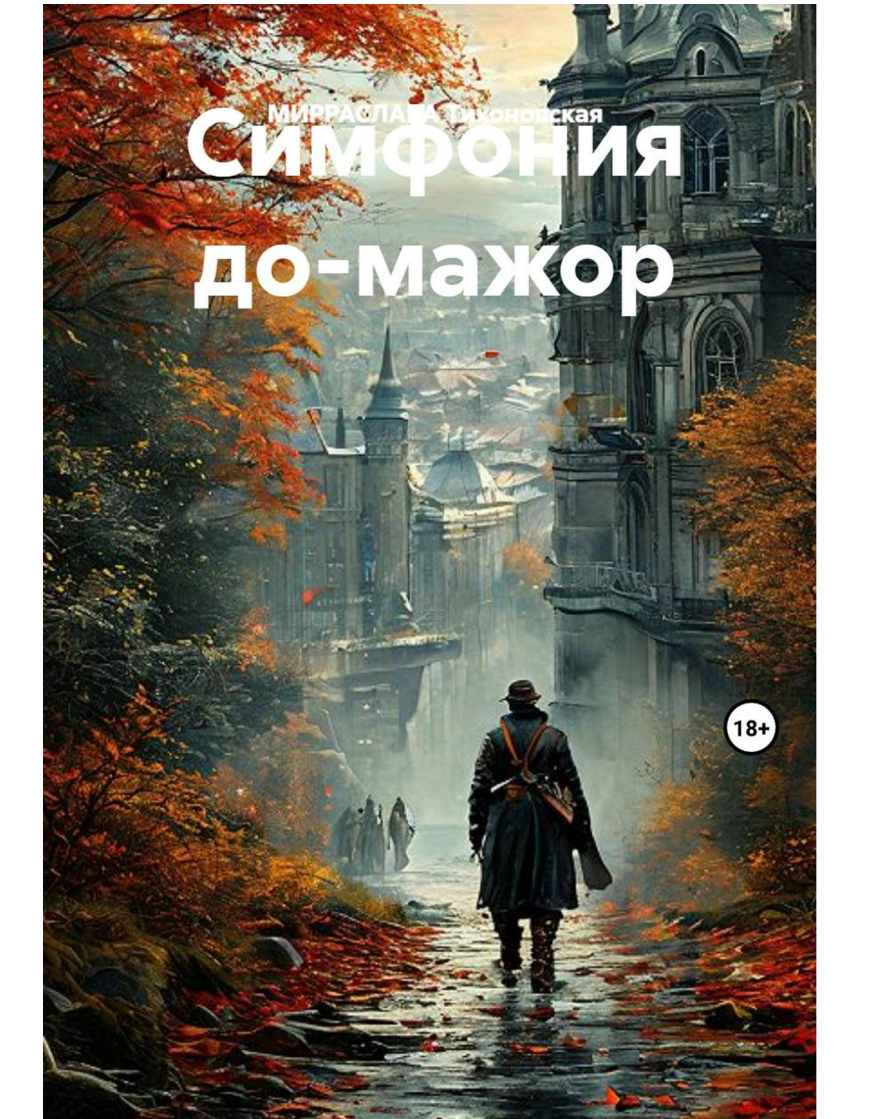

МИРРА СЛАВА ТИХОНОВСКАЯ

Симфония до-мажор

18+

МИРРАСЛАВА Тихоновская

Симфония до-мажор

<https://litres.ru/74278658>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман «Симфония до-мажор» – это симфония Жизни, Дух времени. В нём переплелись вечные темы: борьба добра и зла, война и мир, любовь и смерть. Здесь история и мифология, психология и мистика. Это течение времени, объединяющее судьбу главного героя с огромным количеством людей и чередой событий, происходящих в эпоху перемен, когда летопись страны пишется каждый день, не оставив никого в стороне. Оказавшись волею судьбы в эпицентре исторических событий, он взрастет и мужает на глазах читателя. Эта книга о молодёжи и для молодёжи. Но и старшему поколению будет интересно погрузиться во времена своей молодости, пришедшихся на годы Перестройки.

«Симфония до-мажор» признана Союзом писателей России и отмечена Дипломом литературного конкурса в номинации «Проза» «Лучшая книга года» 2016 – 2018гг.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	77

МИРРАСЛАВА

Тихоновская

Симфония до-мажор

Глава

ЧАСТЬ 1

Пролог. МИФ. Начало

«Блажен Земной Шар, когда он блесит на мизинце моей руки». Велимир Хлебников

Могло показаться, что работы на ЗЕТА-3 ¹длятся целую вечность. Группа планетологов-настройщиков, прибывшая в сектор, изучив физические условия и сделав анализ более пятидесяти тысяч параметров, приступила к балансировке констант системы самонастройки, которая должна была автономно удерживать ЗЕТА-3 в пределах, пригодных для естественной жизни. Обустраивать же бескрайние пространства обители жизни, внося красоту и гармонию, управлять стихиями, растить благоухающие сады решили оставить на усмотрение новых хозяев планеты.

И всё же наступил момент, когда Верховный Координа-

¹ Планета Земля.

тор, за справедливость снискавший среди своих имя Громовержец и Всё-Держитель, поскольку, лично контролируя исследования, не упускал из поля зрения даже мелочи, признал, что голубая планета ЗЕТА-3 «дивно хороша» и готова к инициации высшей жизненной формы – Человека Совершенного. Осталось только вверить заботы об объекте избранному наместнику – и тогда весь пантеон богов сможет удалиться для дальнейшего заселения многочисленных планет Новой Вселенной.

Он дал указание перебросить освободившихся настройщиков на другие объекты.

Когда большая часть исследовательской группы уже отбыла на новый объект, один из молодых антропологов, проходящий на ЗЕТА-3 практику, решился выступить с новаторской инициативой, предложив, по сути, революционную идею. Напомнив, что все обитаемые миры заселяются в соответствии с общими схемами типовыми моделями бессменных совершенных обитателей, которые отличаются лишь типажом, он предложил для большего разнообразия антропоморфных форм, хотя бы в порядке эксперимента, заселить ЗЕТА-3 быстро изменяемым биологическим видом разумных существ.

Он обосновал это тем, что незыблемость принципов, заложенных в основы мироздания, несёт на себе печать однообразия, что, в конце концов, может скоро наскучить. Он противопоставил концепции расселения совершенного вида

эволюционную теорию изменчивости, при которой род человекообразных существ должен был, пройдя долгий путь эволюции, достичь уровня совершенства. Единственным преимуществом перед животным миром для нового рода Хомо Сапиенс – Человека Разумного, в качестве движущей силы изменчивости предлагалось оставить свободу выбора.

Это была неслыханная дерзость, опрокидывающая вечные устои и претендующая на вселенский порядок. Но Главный был поражён не самим предложением, а тем, что в среде согласных с господствующей идеологией может иметь место и инакомыслие.

– Почему бы и нет? Это даже интересно. Что мы теряем? – спросил Всё-Держитель, усмехаясь в усы. – В крайнем случае, свернём проект. А их сотрём их с лица ЗЕТА-3. Потопами, например. Ну, придумаем что-нибудь! – Энтузиазм стажёра ему импонировал. Этот революционный вызов привнес в миропостроение дух новизны. К тому же треть научно-го десанта проголосовала за новый принцип и даже изъявила желание остаться на ЗЕТА-3.

По-отечески относясь к молодым исследователям, Верховный решил поддержать прогрессивную идею и дать возможность молодому реформатору проявить себя в сложнейшем эксперименте, осуществив свою идею на практике. Создать прототип ЧЕЛОВЕКА новой формации Верховный поручил именно ему.

– Когда вы сможете представить опытные образцы на

утверждение? В мире материи время скоротечно, и сроки здесь играют не последнюю роль. – Верховный знал, одному справиться с задачей будет непросто.

– Я постараюсь побыстрее.

– Будем с нетерпением ждать.

Он стоял на берегу бескрайнего моря, обуреваемый гаммой противоречивых чувств. Это было нечто сродни зависти к превосходству старших, восхищение способностью одним решением наградить, доверив столь сложный объект неоперившемуся юнцу и, взвалив на его плечи ответственность за целый мир, проучить, не унизив.

Помощи и совета ждать было неоткуда. Всем было понятно, что задача эта необъятная. Большинство надеялось, что, превратив всё в шутку, он откажется от глупой затеи и можно будет, завершив последние дела, передислоцироваться на новый объект. Но отказываться было не в его духе. Обратного хода нет.

Он зачерпнул ладонью горсть песка,

Другой – морской воды и,

Замесив, слепил фигурку человека...

Подруга его – Афина Паллада, любя в одиночестве

Побродить босиком по морскому песку на рассвете,

Пребывая в мудрых своих размышлениях,

Увидав его издали,

Незаметно подкралась поближе.

Погружённый в глубокомысленные раздумья,

Он был сосредоточен на двух скульптурах из песка.

Она, понимая природу вещей,

Сердцем в них угадала его отражение.

Изваяния были просты и условны, но в том,

Как держались мужчина и женщина за руки,

Было столько любви, что не снилось богам.

В них было столько трогательной нежности, что Афина не выдержала и промолвила:

“Позволь мне поделиться с ними:

Светом моей души зажечь искру,

Вдохнуть в них жизнь и подарить надежду.

Вложить хоть малую частицу

Моей души, всего один духовный атом,

Хоть каплю жизни вечной.

Пусть крошечная та частица, духовная искра,

Их оживит и станет двигателем и маяком

В их непростом пути.

Пускай послужат Богу!”

– Вот-вот! Давай сперва послушаем Его.

Верховный же, взглянув на кустарные поделки начинающего ваятеля, разразился громом. Ему они показались такими грубыми и примитивными, что, по его мнению, даже не стоило их исправлять. И тем более наделять человеческими качествами.

– Нетерпеливый ниспровергатель, что ты натворил? Ты хоть представляешь, что обрекаешь их на страдальческую

жизнь? О чём ты думал, когда предлагал свой проект? Ты позволил своему эгоизму взять верх над совершенством! Гордыня ослепила тебя и лишила предвидения. Сразу же было ясно, что это опасная затея. Ты и других поставил в такое положение, когда необходимо принимать меры, не заложенные в принципах мироустройства. Справедливо было бы наказать гордеца. Но ты уже сам себя наказал. Теперь, пока не поздно, от пробных образцов для их же блага следует избавиться, а эксперимент прекратить.

– Поздно! Я не могу, они стали моими детьми. Я учил их ходить, я научил их говорить и полюбил их. Пусть они примитивны и дики, обделены добродетелями, но они – всё же люди!

– Я понимаю тебя. Ты вложил в них частицу своей души, и теперь больно терять её. Но ещё большее будет смотреть, как они будут мучиться и множить свою злосчастную судьбу в своих детях. Ты сам прочувствовал: чтобы решать глобальные задачи на планетах, люди должны быть безупречными, под стать богам. Как и все духовные существа, они должны быть наделены великодушием и всеми добродетелями. Конечно же, от... них – не желая никого обидеть, он сдержался, чтобы не сказать «неотёсанных черепков», – трудно ожидать божественного совершенства! Мужайся! Иначе уже скоро ты увидишь, во что они превратят эту чудную планету, равной которой нет во Вселенной.

Но Прометей сумел спрятать своих подопечных.

Зная наперёд все уловки, на которые пойдёт благодетель человечества, Зевс пустил ситуацию на самотёк. Нагие, босые, бездомные, безоружные люди и так были обречены на верную гибель от голода и холода. А бессмертные боги, живущие в вечности, не собирались делиться светом премудрости с примитивными существами, копошащимися на земле, надменно полагая, что пройдут миллионы лет, прежде чем человек достигнет должного уровня, чтобы понять и принять хоть толику божественных знаний. Предоставив людям право самостоятельно совершенствоваться, боги бросили их на произвол судьбы.

Прометей же обучал людей ремёслам, учил их строить дома и корабли, возделывать землю, обрабатывать металлы, шить одежду, считать, писать и читать. Он передал им колесо и гончарный круг. Стремясь устроить порядок на подшефной планете, он мечтал о том, чтобы и на ЗЕТА-3 стало так же, как в небесных сферах. Будучи членом экспедиции, он имел доступ в исследовательский центр и, получая там кое-какие сведения, подбрасывал людям крупницы знаний, чтобы, осваивая их, они росли и развивались. Так людям стали известны секреты выплавки железа.

Верховный, от которого ничто не сокрыто, видел, что в пантеоне богов нашлись ещё два сострадательных заступника, не убоявшиеся кары Вседержителя. Встав на защиту человеческого рода, Афина и Гефест тоже тайком помогали людям, просвещая их.

Возмущённые несправедливостью по отношению к людям, чьё ужасающее положение было несравнимо с тем, как заботливо было обеспечено всем каждое живое существо в богатейшей коллекции планеты, они понимали: чтобы выжить, людям необходим свет знаний. Конечно, они видели, что пастухам и земледельцам ещё рано осваивать сокровенные учения, не говоря уже о восприятии высшей истины, но всё же когда-то надо было начинать. Человек был знаком со стихиями, пользовался ими, но фундаментальных знаний у него не было.

Изобретательная Афина придумала, как вынести с Олимпа «огонь божественной премудрости». Манускрипт² с заархивированным планом мироустройства, записанным на папирусе, был скручен в тонкую трубочку, что позволило незаметно вынести его и передать людям. Предполагалось, что содержание свитка будет постепенно открываться людям по мере их продвижения по лестнице эволюции.

И тут терпение в верхах лопнуло.

– Давать смертным, не обладающим разумом, дары, похищенные у богов? – Вседержитель метал громы и молнии на голову Прометея. – Ты недалёковиден и слишком снисходителен к своим созданиям. Придёт время, когда твои смертные вместо того, чтобы лелеять свой дом, следить за порядком на планете, изгадят её, превратив в склад отходов, отравляющих почву и воду. Вместо того чтобы смиренно возвра-

² Веды.

вать свой сад и питаться его плодами, вырубают леса, дающие им кислород. Вместо того, чтобы развивать в своей душе лучшие качества, выпалывая сорняки, буйно растущие в их внутреннем мире, будут любопытствовать, как устроен мир. И дойдут до того, что станут так же, как делают глупые мартышки, очищая орех от скорлупы, расщеплять атом, ставя под угрозу само существование планеты. Станут завидовать власти богов, обвиняя их в презрении к своей беспомощности, а сами вместо того, чтобы учить совершенные математические законы, управляющие Вселенной, будут отлынивать от учёбы, игнорируя основу основ – математику. А тех немногих Учителей, посланных им в помощь, ошельмуют и казнят, объявив еретиками. Соперничая за мировое господство, накопят арсеналы, способные уничтожить ЗЕТА-3 несколько раз вместо того, чтобы накормить своих голодающих, умирающих детей. Будут искать пути возвращения в рай, а сами погрязнут в войнах.

Даже те священные знания, которые ты выкрал, бесполезны для них. Примитивное сознание не может вместить их в себя, потому что засорено ложными представлениями о мире, в которые они верят. Но вместо того, чтобы принять сакральное знание, вырваться из вязкой плотности материи, преодолеть смерть, стать подобными бессмертным богам, превратив ЗЕТА-3 в рай, будут заранее искать колыбель, пригодную для жизни следующих поколений и строить планы по переселению на другую планету. Что, смешно? Бу-

дут лукавить самим себе, а заповеди, данные через пророков, трактовать, как им удобно. И будут создавать свои законы, несовершенные, а зачастую бесполезные или вредные. В вечном поиске Истины будут тратить все свои силы и энергию только лишь на то, чтобы не признать существование Того-Кто-Даёт-Всему-Становиться. Сделают своим идолом унаследованную от тебя гордыню, этого ненасытного зверя, и будут служить ему, а не своей душе. А ты, защищая и выгораживая их, хлебнёшь с ними лиха. Ещё увидишь, как отблагодарят тебя твои смертные, эти ограниченные существа. Будут не по заслугам возводить памятники царям, полководцам и богам, но о тебе даже и не вспомнят... Так, рассказами будут тешить своих детишек, но самое главное – твои заслуги – утаят.

– Я не могу не поверить Тебе. Но пойми, я создал их и никогда не предаю их. Даже когда сам не смогу помогать им, буду молить Тебя, Владыка, о благословении для людей. Я заботился об их материальном теле, в твоей же воле дать им духовную силу.

– Получат! Когда сами захотят и попросят!

«Нет, надо было хотя бы им свободу воли не давать.

Пусть копошились бы, как муравьи.

Всё чётко, слаженно и без обид.

Теперь жалею, что пошёл на поводу у баламута.

А ведь не разреши, и скажут – ретроград».

«Послать тебя куда-нибудь подальше

От Олимпа...

В Гиперборею, на край света...

Нет уж, – чудесная страна.

Вон на Кавказе есть прекрасное местечко.

Безлюдное и дикое, пригодное лишь для орлов.

Вот там побудет, поразмыслит.

Как образумится, вернётся».

– Послушай! Твоё сострадание лишено здравого смысла, искажено изначально. И, видно, для того, чтобы охладить твой просветительский пыл, остановить тебя, придётся пойти на крайние меры... Думаю, тебя нужно изолировать, отослав подальше и от людей, и от богов... В страну Скифию, в непроходимые горы Кавказа. Заковать покрепче, чтоб не сбежал. И ещё нужно подумать, чем отвлечь тебя от проблем, не свойственных олимпийцам, – грохотал в гнев Великий Владыка, и раскаты его грозного голоса сотрясали Небесную твердь.

– Всё, сказал Я!

Глава 1. РОМА

Всё началось, когда Рома учился в третьем классе.

На уроке учительница назвала тему и принялась за объяснение нового материала. Роме с первых слов стал понятен смысл урока, тема не вызвала у него интереса и отошла на задний план. Он перестал слушать, потерял нить рассуждений и принялся смотреть в окно. Слова влетали в одно ухо и вылетали в другое. Голос учительницы отдалялся, отдалял-

ся, и совсем растворился.

Отвлечённое сознание поплыло совсем по другому руслу, - то выходя на быстрину, то погружаясь в омуты, устремилось к морю фантазий и вдруг за что-то зацепилось. Он направил туда своё внимание, стараясь понять, что это за перл попался ему? Под пристальным вниманием, как пойманный малёк в сачке, трепетала блестящая мыслишка: что получится, если поджечь пластилин?

Рома не мог просто так пропустить её или, не проверив, отмахнуться: в глазах юного натуралиста она выглядела как крупная, ценная идея.

Если бы Ромка сразу выкинул её из головы, как сорную траву, чтоб не мешала культурным всходам, на свежем воздухе она бы растаяла без следа. Но пытливый ум, попавшись на крючок, не спешил с ней расставаться, наивно полагая, что может распоряжаться своими мыслями как хочет. Может оставить про запас на потом, а может прямо после школы воплотить в реальный опыт.

Сначала мысль, как голодная пиявка, беспокойно крутилась в пока ничем не занятом пространстве, ища к чему бы прицепиться, а потом без помех освоилась. Присосавшись, впрыснула наркоз, усыпила здоровый скептицизм хозяина, прижилась, став неразличимой. А слившись с его сознанием и взявшись управлять действиями хозяина, незаметно контролируя его, разрослась, став причиной далеко идущего следствия.

Ромка еле дождался перемены, чтобы и друзей заразить своей идеей.

После уроков в мальчишеском туалете подожгли бумагу с завёрнутым в неё бруском синего пластилина. Филонов держал, Соловьёв поджигал, Злотник стоял у двери «на атаке». Пластилин задымился, загорелся и стал плавиться. Почувствовав жар, Ромка, пока не обжёгся, отшвырнул его, да так, что тот отлетел и прилип к потолку.

Всем, кроме Злотника, был наглядно виден результат эксперимента. Но Лёнька решил поближе рассмотреть, как это пластилин смог там пришпандориться. Забравшись на унитаз, Лёнька оказался как раз под горящей, плавящейся массой.

Во дурак! Он что, не видит, что сейчас ему на башку шмякнется? Ох, сколько раз ребята давали себе зарок не брать с собою Злотника! Каждый раз, когда они что-нибудь затевали, эта мелюзга Злотник обязательно напрашивался с ними, из-за него обязательно что-нибудь да случилось, и они попадались!

Вот и сейчас было понятно: мал ещё этот сопляк, чтобы участвовать в испытаниях на равных! Хотя и учится он на отлично, но это только благодаря неусыпному вниманию бабушки, а своего-то ума нету. Они-то уж научены опытом, не один раз обожглись.

Не успел рой мыслей облететь их умы и привести к логическому выводу, как оплавившийся пластилин капнул Лёнь-

ке на пиджак и в следующий момент прямо на щёку. Раздались дикие вопли, ребята бросились спасать раненого, поливая водой. На обожжённой щеке виднелось красное пятно, в котором после первого шока ребята признали карту Израиля, отметив при этом, что на синей форме пластилин почти не заметен.

Родителей Ромы, как заводилы и вдохновителя подвигов тройки, в очередной раз вызвали к директору школы, пригрозив постановкой сына на учёт в детскую комнату милиции и исключением из школы.

– Вы знаете, с Романом надо что-то решать. Он просто извёл всех своими выходками. И скажите ещё спасибо, что удалось уговорить бабушку Лёни Злотника не писать заявление. Мы обязаны передать его в детскую комнату милиции. Вы ведь знаете причину, почему она не разрешает дружить своему внуку с вашим мальчиком. Сколько уже было случаев, а он опять втравливает ребят в свои затеи. От безделья не знает куда себя деть... Но мы-то должны реагировать, – выговаривала директриса, – поэтому вопрос о его поведении всё-таки придётся ставить на педсовете.

– За что его наказывать, Георгина Григорьевна? – обратилась к ней мама, бросившись на защиту своего чада.

– Гортензия Георгиевна, – стальной, идеологически выверенной интонацией в голосе охладила маму непробиваемая железная дама, показав, что просто так её не разжалобить.

– Ой, простите, пожалуйста! – встрепенулась мама, поняв

по тону, насколько, оказывается, всё серьёзно. Нужно во что бы то ни стало, пока директриса не утвердилась в своём решении избавиться от неудобного ученика, постараться заставить её посмотреть на ситуацию другими глазами. – Он же не хулиган, да и учится неплохо. Рома способный, всё на лету схватывает, поэтому ему и не интересно прилагать какие-то усилия. Ему хочется самому исследовать мир. И по натуре он лидер, вот ребята и кружат вокруг него, как мотыльки вокруг лампы, – заступалась мама. – Кругом полно всяких секций, ходи – не хочу, но для таких естествоиспытателей нет ни специальной школы, ни даже кружка.

Завуалированный упрёк заставил директрису посмотреть на задачу под другим углом. Действительно, школа – не карательный орган, и если направить энергию сорвиголовы, возможно, он, наконец-то, перестанет терроризировать всех своими выходками.

– Мы все заинтересованы в решении этой задачи, школа и родители совместными усилиями должны создать условия для раскрытия его потенциала. Для того чтобы найти применение способностям ученика, необходимо взаимодействие. А как вы смотрите на то, чтоб отдать его в музыкальную школу? – не придумала ничего лучшего директриса. – Обучение музыке имеет огромное воспитательное значение и способствует эстетическому развитию, расширяет кругозор. Друзья его учатся, почему бы и ему не заняться чем-то серьёзным? Подумайте, выбор у вас небольшой.

– Да что вы, какая музыка, для музыки способности нужны. Для его характера больше бы подошла спортивная школа. Ему бы футболом заняться, чтоб падал от усталости.

– Ничего, ничего. Способности нужно открывать, а потом развивать, для этого время нужно. Не всё сразу. Вон, посмотрите – приятель его, Лёня Злотник, со скрипом, но всё же учится. Правда, с такой бабушкой, как у него, даже кукушка заголосит.

Этот случай был последней каплей в чаше терпения родителей.

– Всё! С этим больше невозможно мириться. Ты просто невыносим. Дошло до того, что тебя собираются выгнать из школы, – осушая слёзы уголком носового платка, упрекала мама, чувствуя себя виноватой в том, что не смогла вырастить сына благополучным, страшась подумать о его будущем. – Я тебе больше не стану потворствовать.

– Это твоё воспитание. Всё жалеешь своего сыночка, всё по головке гладишь, а сама думаешь, что этот обалдуй в следующую раз отчубучит. Говорил я тебе, драть его надо – глядишь, и выйдет из него толк, – высказался отец,

– Если толк выйдет, что же тогда останется? – не мог не заметить противоречия в логике отца Рома.

– Ну ты смотри, этот умник ещё и отбрёхивается.

– Может, тебя действительно нужно занять чем-то вроде музыки, – нерешительно предложила мама, не сумев скрыть своего сомнения в таком решении. Сама она обожала клас-

сическую музыку, и эта идея ей очень импонировала. Но каждый раз, когда она, стараясь привить и сыну любовь к музыке, брала его с собой на концерт, у него начинался приступ кашля, и ей приходилось покидать зал вместе с ним. – Уж лучше музыкой заниматься, чем на учёте в милиции состоять, – стараясь как можно деликатнее подвести Рому к готовому решению, предложила она, не оставляя ему никакого выбора.

– Правильно, правильно, пусть тебя научат играть на баяне. Всегда будешь нарасхват, никогда не пропадёшь. Танцы-шманцы, свадьбы, праздники не могут обойтись без баяниста. И в пионерлагере всегда нужны музыкальные работники. А если попадёшь в ресторан, там уже будут са-а-всем другие деньги, это вообще золотое дно, – в поддержку матери выступил отец. – Баян такая вещь, в руки возьмёшь – звук по сердцу так и полоснёт. И меня потом научишь играть «На сопках Маньчжурии». – Он достал с антресолей старый трофейный баян, и с надеждой, что сын сможет осуществить его несбывшуюся мечту, растянул его. Баян душераздирающе всхлипнул: научиться играть на нём отец так и не сумел.

– Стасик, прекрати терзать мой слух, и так тошно, – не в силах больше терпеть, взмолилась мама.

Глава 2. МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

Музыкальная школа, занимающая скромное помещение в жилом доме, находилась в двух кварталах от места, где жили друзья. Именно по этой причине все они оказались её уче-

никами. Роме устроили экзамен, после которого преподавательница, подойдя к маме, сообщила:

– Странно, звонила директор вашей школы и просто умоляла меня взять вашего мальчика. Возможно, она исходила из каких-то своих соображений. Но, хоть мы и не обязаны брать всех подряд, его мы берём. У него оказалось редкое дарование – абсолютный слух.

Как Рома ни сопротивлялся, его запихнули в музыкальную школу учиться по классу фортепьяно.

Рома учился музыке из-под палки, занимаясь только под давлением родителей. Мама, борясь с его духом сопротивления, строго требовала от него прилежания, заставляя высиживать по несколько часов за инструментом. Это было мучением.

– Я же вижу, что ты учишься вполсилы. А если бы старался, мог бы стать гениальным музыкантом. В тебе огромный потенциал, но ты намеренно отлыниваешь и не хочешь раскрыть его. А я иногда представляю, как ты во фраке сидишь за белым роялем, за этим поистине королевским инструментом, исполняешь Грига, а я – в первом ряду вся в слезах от счастья и гордости за своего сына.

Хвалили Рому и в школе, но то, что он играл, ему самому не нравилось. Хорошо заученные пьесы, исполняемые с ученическим старанием, безукоризненно сложенная игра не могли его удовлетворить. Он натывался на форму произведения, и это его стесняло, как игра в шахматы с миллионами

комбинаций, ограниченная плоскостью доски.

Вот если бы ему кто-нибудь подсказал, что музыка в соединении ума, сердца и звука производит некую химию и это превращение есть магия, которой можно управлять, и способ открыть всё то, что хранит твоя душа, это ярко выраженное в звуках настроение или переживание, тогда бы уже на ранних порах он смог бы стать настоящим музыкантом, подобно тем редчайшим единицам, которые стали виртуозами, поняв, как через чувство, поднявшись над миром звуков, можно расширить горизонты.

В старших классах он начал систематически прогуливать занятия. Решив, что никогда не станет пианистом, Рома возненавидел музыкальную школу.

Глава 3. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Занятый своими интересами, Рома никогда не обращал внимания на девчонок, которые к четырнадцати годам все перевлюблялись в старшеклассников. Игнорируя своих «недоразвитых» одноклассников, которые на уроках играют в морской бой, а на переменах в «слона», катая друг друга верхом, девочки совершенно не воспринимали их как объект «взрослых отношений», свысока посматривая, как те только мешаются под ногами.

Рома же был рослым и крепеньким, выгодно отличаясь от окружающих его коротышек. Рано или поздно это должно было стать заметным и взрослеющим девицам.

Однажды на перемене он почувствовал на себе присталь-

ный взгляд, сопровождаемый торопливым шепотком подружек, вызвавший у него волнение от предчувствия чего-то неизведанного.

Большие серьёзные серые глаза, устремлённые на его особу, принадлежали Климовой.

Лена Климова не была полной отличницей, но, проштудировав к седьмому классу богатейшую школьную библиотеку, была до жути начитанной. Не ограничившись «Войной и миром» и «Анной Карениной», предусмотренных школьной программой, прочла в обход запретам предназначенные исключительно для учителей два стеллажа книг с Мопассаном, Золя и Бальзаком.

И теперь, когда она, теоретически подготовленная, стояла в преддверии взрослой жизни, оглядываясь по сторонам, чтобы выбрать объект для собственной лав-стори, на глаза ей попался Рома. Конечно, он не имел ничего общего с книжным идеалом, в который можно было влюбиться с первого взгляда, но ей уж очень интересно было испытать то необыкновенное чувство, о котором повествовали многотомные издания мастеров любовной прозы.

Лена Климова сидела на предпоследней парте, как раз перед Ромой. Ему была видна только её наклонённая над партой фигурка, облачённая в стандартную коричневую форму с подолом в складочку, воротничком из кружева, и копна русых волос, усмирённых короткой стрижкой.

Роме хотелось придумать какой-нибудь предлог, чтобы

заговорить с ней. Случайно пойманный взгляд пробудил в нём неизвестное ранее чувство, какое-то смутное, но сладостное томление, и он хотел как-нибудь удержать его. Он вырвал из тетрадки последний листок, изрисованный с одной стороны танками, и на чистой стороне написал: «Пойдём завтра после школы в кино». И чтобы она ничего «такого» не подумала, рядом пририсовал рожицу.

Лене совсем не понравилась форма первого любовного письма, даже подружкам стыдно было бы его показать, но само предложение она приняла. Возможно, если бы она знала, что денег на карманные расходы ему не дают, а поход в кино оплачивается мелочью, сэкономленной на обедах, которую он тайком собирал в бутылку от шампанского, она смогла бы оценить его жертву и простить.

На другой день после уроков Рома стоял за воротами школы, ожидая Лену и прикидывая, куда бы лучше пойти.

В летнем театре на вечернем сеансе шёл "Танцор диско", который постоянно крутили и крутили по многочисленным просьбам зрителей, очарованных блеском красок, чувств и душевной индийской музыкой. Каждый посмотрел фильм уже по нескольку раз. "Джимми, Джимми, Джимми. Ача, ача, ача", – эхом отзывалось от окрестных домов, став привычным фоном. На более поздних сеансах шли фильмы «детям до шестнадцати». Хотя в паре с высокой Климовой они выглядели вполне взрослыми и могли бы пройти, сойдя за совершеннолетних, но в первый раз рисковать не хотелось.

В ДК «Строитель» на дневном сеансе шёл новый фильм, и у них в запасе было ещё полчаса. Билеты на дневной сеанс, конечно же, дешевле, но надо принять в расчёт ещё и посещение буфета. «Наверняка захочет пойти на «Танцора Диско», но там же будет полно знакомых».

Климова что-то задерживалась. Может, вообще не придёт?

Десять минут ожидания Рому уже извели.

Тем временем Климова, зайдя в школьный туалет и убедившись, что её никто не видит, сняла галстук, запихнув его в портфель. Взамен вытащила оттуда чёрную прямоугольную коробочку с надписью «тушь для ресниц Ленинградская», поплевала туда и, глядя в карманное зеркальце, подкрасила щёткой свои реснички, придав глазам ещё большую выразительность, при этом сразу повзрослев.

– Куда пойдём? – спросил Рома, когда она, наконец, подошла.

– В «Строитель». Только пойдём скорее, пока нас никто не увидел. – А сама подумала, что в следующий раз, чтобы не встретить кого-нибудь из одноклассников, надо будет сбежать с последнего урока.

В обширном фойе дворца буфет размещался прямо на подступах к кинозалу. За барной стойкой буфетчица в крахмальном венчике разливала соки из больших стеклянных конусов, наполненных рубиновым вишнёвым, янтарным яблочным и густо-красным томатным. Лена захотела вишнё-

вый. Рома взял себе томатный. Отыскав глазами дежурный стакан с солью, подошёл и, по-мужски зачерпнув ложкой, бухнул её в свой сок. Размешав и попробовав, понял, что переборщил, но виду не подал, выпил залпом. Предложил: "По мороженцу?" Она выбрала крем-брюле, хотя он готов был разориться и на эскимо, а себе взял фруктовое, с кислинкой.

Чтобы как-то начать общение, Рома спросил, что это она постоянно записывает в толстую тетрадку с коричневой обложкой и тут же прячет её в портфель.

– Это дневник?

– Секрет! – Она смущённо покраснела; там хранились девичьи тайны, всё самое сокровенное, вопросы, на которые пока нет ответов, стихи Есенина, Эдуарда Асадова и совсем недавно появившиеся записи собственных стихов про одного мальчика, которому принадлежит её сердце.

– Ну ладно, пойдём в зал, а то уже скоро сеанс начнётся.

Они уселись в последнем ряду. Свет стал тускнеть.

Фильм оказался детским, но это было даже к лучшему. Можно было, не отвлекаясь на содержание и сюжет, сидеть в темноте рядом, упиваясь до дрожи волнением от близости. Роман, решив, что от него ожидают следующего шага, потянулся влажной ладонью к её угловатой коленке.

Она стыдливо дёрнулась, как от вспыхнувшей спички, торопливо оттолкнула его руку и, защищаясь от наглых посягательств, натянув юбочку как можно ниже, отвернулась от него.

«Дурак, всё испортил! – Она захлюпала носом, оплакивая свою неудавшуюся первую любовь. – А я, дура, чуть не влюбилась в этого нахала. Не могу его видеть».

Рома был в замешательстве. Ему было непонятно, что такого обидного он сделал.

С трудом досидев до конца фильма, они молча вышли из кинотеатра, старательно отводя глаза друг от друга, чтобы не встретиться взглядами. «Ну и ладно, – решил про себя Рома. – Подумаешь, какая «крем-брюле»! Странная она какая-то. Не поймёшь, что у неё в голове. Представляю, что бы она устроила, если бы я решился поцеловать её».

– По-моему, она в тебя втюрилась, – сказал ему как-то между прочим Соловьёв.

– Кто?

– Климова.

– А ты откуда знаешь?

– Так все уже знают. Видели вас, голубков, в кино на последнем ряду. – Он сделал паузу, наблюдая за реакцией Ромы. – Мне ничего не сказал, а ещё друг называется.

– Да нечего рассказывать. Ничего не было. Ну, пригласил её в кино, на этом всё закончилось.

– У тебя, может, и закончилось, а вот у неё нет.

– С чего ты взял?

– Смотри, какие муки из-за тебя принимает. Каждый день то классная, то завуч пропесочивают ей мозги за безнравственное поведение.

– Ты о чём?

– Обратил внимание, что она галстук не носит, типа из пионерок уже выросла. А вчера после уроков мы дежурили, столы переносили в актовый зал, входим в класс, а завуч говорит ей: «Стала краситься безбожно, ладно бы прыщик припудрила или как-нибудь незаметно ресницы подкрасила, а то уже и ногти! С завтрашнего дня возьмусь за вас. Имей в виду, буду стоять у входа в школу с ножницами и всех школьников проверять. Поняла? Иди».

– Ну, а я-то причём?

– А кто же ещё?

Глава 4. ТРИ ТОВАРИЩА

Рома, Саня и Лёва жили в южном курортном городе, расположенном как в чаше в окружении гор, покрытых лесом, в роскошном благодатном месте, с домами, утопающими в садах и цветниках, в атмосфере, душной от аромата плетистых роз, увивающих ограды.

Живя интересами отдыхающих, город пребывал в атмосфере нескончаемого праздника. Полный удовольствий и соблазнов, это был клондайк для музыкантов, приезжающих сюда вместе с приливной волной отдыхающих. Рестораны и танцплощадки, наполняясь к вечеру народом, своим весельем, музыкой и смехом были притягательны и для ребят, которые, втроём слоняясь по улицам, вдыхали густой воздух южных ночей, напоённый чувственным томлением. Под заезженный излюбленный мотивчик кружащие в сладостном

дурмане в обнимку пары будоражили просыпающиеся молодые натуры, тревожа тайные желания. Волнующие стенанья бас-гитар, изнемогающих от страсти в руках музыкантов, задевая потаённые струны, нашёптывали бредовые обещания, и звуки тарелочек ударников рассыпались мурашками по коже.

Все трое учились в городской музыкальной школе, но такой музыке, которую они слышали вечерами, их не учили. Это была совершенно иная музыка: очень простая, свободная, с такими же понятными, как и мотив, проникновенными словами, пленяющая душу сквозящей в них беззаботностью, которой хотелось жить всем.

Видя, как запросто, без особого труда, буквально из воздуха добываются завидные, лёгкие деньги, сравнивая классику с той музыкой, которая витала в воздухе, золотым дождём проливаясь на руки джазменов, ребята постигали философию жизни. Вот, посмотри, говорила сама жизнь, видишь, есть более лёгкий путь. Пусть планка, которую подняли тебе, высока, но ты можешь выбрать путь полегче, такой же беззаботный, как эти песни, и непринуждённо скользить по поверхности жизни, не углубляясь в её суть. Существуют единицы ценителей высокой музыки, и есть популярный репертуар, который любят все остальные.

– Видел, «Мурка», «Семь – сорок» в ресторанах идут на ура. Каждый год одно и то же. Мы этюды разучиваем, а кому они нужны? Чтобы сбавить десяток модных мотивов, не обя-

зательно консерватории заканчивать. Выучил десяток мелодий, и хватит, – рисуясь перед ребятами, бурчал Рома.

– Да ладно, а с чем ты на зональный конкурс поедешь? – осадил его Саня.

Озабоченные своими мальчишескими проблемами, начинающимися влюблённостями, сетуя на родителей,седающих, чтоб, учась в школе, ещё и в музыкалке успевали, пробуящие покуривать, ругаться матом, пить пиво, ребята держали курс к Зелёному театру. Этим вечером московская рок-группа, совершающая турне, давала единственный концерт в городе. Бывшая долгое время под запретом, она грозила совершить переворот в сознании молодёжи.

Презрение, с которым старшее поколение относилось к рок-музыкантам, называя их грязными, тупыми, грубыми выродками и монстрами, оскверняющими идеалы советского общества, органы печати, призванные противодействовать широкому распространению рок-культуры, вызывающие к неприятию «пагубного и опасного для детей развлечения, ведущего к буйному помешательству», забыв истину про сладость запретного плода, вызывали у молодых в первую очередь протестное любопытство к крамоле, восхищение прямотой, смелостью и непокорностью смутьянов.

Газетная полемика, умышленно смещая фокус на внешнюю атрибутику, извращая смысл скрытых за нею образов, старалась отвлечь внимание от заявленных группой тем, ставящих под сомнение общественные ценности, стремилась

скрыть накал бунта, притушить разгорающийся конфликт.

Само по себе такое огульное отношение к рок-музыкантам создавало мотив, позволяющий завоевать аудиторию фанатов, не издав ни единого звука. Но правда была в том, что музыканты посягали на большее: на овладение душами. Их позиция разрушителей устоявшихся форм, нарушителей правил взрывала устоявшиеся стереотипы не только музыки, но и жизни. У них был другой взгляд на жизнь, и они сражались за новый мир, за победу индивидуальности, за веру в себя. Они возвещали мечту о всеобщей любви и духовном единстве взамен братства заложников долга перед идолами. Сотрясая грохотом канонады землю, они старались пробудить от сна разума сознание масс, противопоставляя

патриотическим гимнам – свои манифесты,
маршам – тяжёлый металл,
формам – анархию и эклектику,
идеологическому елею – скандальную честность.

Одним концертом они обращали в свою веру, отмечая старое воспитание, религию, идеологию, став вожаками, духовными учителями. Они призывали идти другой дорогой.

Вот почему долгое время их музыка была запрещённой.

И только в стране попранной веры, утраченных корней, покосившихся заборов и устоев, на тверди, ставшей зыбкой, где от глухого безвременья разваливалась империя, долгое время удерживаемая стальной руководящей и направляющей рукой, а растерянная нация искала новые ориентиры,

стали возможны эти концерты.

Отвергаемые советским обществом, предаваемые анафеме за пагубную ересь, рок-музыканты становились кумирами молодёжи, усматривающей в них предвестников новой эпохи.

Комсомольские лидеры, призванные возглавить редкие рок-клубы, чтобы снизить натиск рвущейся силы андеграунда, вывели их из подполья, наивно полагая, что рок – детская болезнь, которой нужно переболеть, перебеситься. Разве мог тогда кто-нибудь предположить, что у всех на глазах вырос антипод комсомола, что, выплеснувшись на свободу, тeneвая культура станет новым культом. Что рок, обрушившись девятим валом, как рука судьбы, накрывающая мир, подобно тем волнам, что временами прокатываются по белому свету то потопом, то моровыми язвами: чумой и оспой, испанкой и СПИДом, нещадно выкашивая население, станет не просто увлечением, лёгким поветрием, а новой религией, вероисповеданием.

И действительно, это и была своего рода болезнь, но только гораздо серьёзнее, чем можно предположить. Призванная эпидемией пройти по миру и, очистив его, создать иммунитет у переболевших и выживших, она была очень, очень заразна.

Глава 5. ХЭВИ-МЕТАЛ

Уже на расстоянии где-то в полкилометра из-за высокой ограды Зелёного театра были слышны раскаты мощных зву-

ков настраиваемой аппаратуры. Как и всё местное пацанье, друзья поднялись на склон высокого холма, в полукружье которого располагался театр, откуда хорошо видны окрестности, чтобы выигрышно расположиться напротив огромных, в человеческий рост, усилителей. Зрители занимали места, фанаты группы, следующие по пятам за музыкантами, толпились у сцены.

От взрепевших динамиков первые ряды, всегда занимаемые номенклатурой, руководством города и горкомовскими работниками, как ветром сдуло. Кто-то поднялся подальше вверх, кое-кто, решив пожалеть свои барабанные перепонки, ушёл совсем.

- Никакая это не музыка, а просто кошмар какой-то!
- Да нет, это такая особая пытка. Безобразие!
- От этой какофонии у меня давление подскочило.
- Это нужно запретить, пока все не стали дебилами, – обменивались мнениями партийные дамы.

Освободившиеся места тут же заняли новообращённые фанаты, устремившиеся с дальних рядов поближе к сцене. Ударные волны сшибали с ног оцепление из молодых тщедушных солдатиков.

Арсенал группы, включающий ритм- и соло-гитары, секцию ударных, усиленных двойной бочкой, пропущенных через огромные динамики, создавал уровень звуковой мощности, по децибелам равный кузнечнопрессовому стану. Энергичными ударами кувалды молотобоец создавал низкие,

проникающего действия басовые ритмы, кузнец дубасил молотом по наковальне, задавая быстрый темп. Стоял звон стали, скрежет жести, грохот чугунных отливок, чистое звучание электрогитар, и среди этого шквала звуков – высокий, на пределе возможностей голос вокалиста. Звуки переплавлялись в могучий жаркий поток и перековывались в новую полифонию необычайной силы.

Никогда раньше ребятам не приходилось слушать вживую тяжёлый металл. Музыка в записи, которую им иногда удавалось послушать, как кипячёная вода, лишённая живительной силы, не задевала так за душу, как этот сумасшедший драйв.

В раскалённом сплаве металла слышался раскатистый гром литавр, перезвон колоколов Новгородского Вече, сполохи набата, извещающего о набегах врагов, лязг мечей древнерусских сражений и победные фанфары военных оркестров. Многоголосое звучание объединило в себе таинство и мощь великих творений праотцов: Баха, Бетховена, Вагнера, Чайковского, Шостаковича, Рахманинова и Прокофьева вместе с Хачатуряном.

Эффект присутствия, новизна ощущений, слияние в бушующем потоке звуков, богатство фона вместе с бешеным ритмом потрясли неискушённую публику.

В состоянии исступления бились артисты, доводя зрителей до экстаза. В диком ритме колотились сердца, готовые вырваться из груди. Зловещие низкие частоты басов, глубо-

ко проникая в нутро, хватая за душу, тянули её на свет божий. Публика, доведённая до точки кипения, выражала свои необузданные чувства неистовым свистом и криком. Забравшись на сиденья, прыгая с поднятыми вверх руками, раскачиваясь в такт вместе с музыкантами, зрители отзывалась на гармонию ритма и звука шквалом эмоций.

Круговорот живой энергии, многократно умноженный, вызвал цепную реакцию. Эмоциональный взрыв, вырываясь из глубин существа, выплёскивался, брызжа расплавленной магмой, выжигая всё ложное, отжившее, разрушая старые представления и убеждения. Это было очищение огнём. В мартеновской печи варилась булатная сталь. Из этой переплавленной податливой горячей массы кузнецы нового мира, взмокшие от ста потов, не давая ей остыть, отливали и ковали поколение новых людей.

Быстро темнело, концерт продолжался. На рядах вспыхнули огоньки зажигалок. Казалось, что каждая душа обнажила свой свет, чтобы стать видимой для других. Возникла новая общность людей, связанных невидимыми нитями, братство родственных душ, раскольников, объединённых в новую тайную секту разбуженных громом, прошедших через алхимическое преобразование настоящего искусства.

Они больше не могли быть прежними.

Это был вечер, когда на вспаханное поле щедро засеивали семена, которые уже скоро, в годы перестройки взойдут дружными всходами на ниве тяжёлого рока.

Взбудораженные мощным саундом, ребята чувствовали себя опустошёнными. Внутри, не умолкая, дрожали струны.

Глава 6. РОК

Рома просто сошёл с ума и ни о чём другом не мог думать. Решил, что будет исповедовать рок, иначе жить не стоит. Вдохновлённый блестящей игрой и неимоверно красивым рисунком ритма, он помешался на идее стать барабанщиком и создать свою группу.

Мать и отец не могли узнать своего сорвиголову. Рому как подменили. Каждую свободную минутку ходил, стучал по чему попало, набивал знакомые звуки: пу–тсс, пу–тсс–тсс, 1–2, 1–2,2, пу–тсс, пу – тсс–тсс: бочка – педаль – пу, пу, железо–тс–с, тс–с, тыщ, тыщ, тыщ, пу–тш, бум–тыщ, тыгдым–тыгдым, бум–тыщ, ты– гдым–тыгдым. Стучал по коленкам, табуретке, по подушке, для тренировки кистей – по мешку с песком, вырабатывал качественную атаку, резкость, под музыку отсчитывал такты двумя ногами, чтобы потом все нажитые навыки использовать при игре на «живых» барабанах. И уже скоро красовался перед девчонками, эффектно накручивая палочками между пальцев.

В жертву будущим достижениям искусства был принесён стул, хотя диван лучше подошёл бы для отработки ударов. Но на диван рука не поднималась – это было святое, он входил в румынский гарнитур, который с большим трудом удалось приобрести по записи у мамы на работе. Рома прекрасно помнил, как, выкраивая из зарплаты десятку-другую, по-

том сэкономили по копейке на всём. Лишние скандалы были ни к чему, обстановка и так была накалена. Если бы с диваном что-нибудь произошло, отец точно навешал бы ему оплеух, тем самым только добавив огорчений маме.

Руки болели, мышцы горели, палки ломались, стул не выдержал атак, лопнула обивка. «Нет, если так долбить, по-настоящему играть не научишься». А он просто умирал как мечтал играть на барабанах.

Глава 7. Я ПОЭТ...

Саня и Лёва тоже заразились мечтой стать рок-музыкантами, и когда после долгих просьб, унижений и обещаний Саньке на день рожденья родители купили электрогитару, ребята решили, что настала пора создавать свою группу. Они резко повзрослели, это были уже другие люди. Теперь их звали Фил, Алекс и Лёка.

Пока Фил отрабатывал удары, а Алекс возился с гитарой, Лёка стал пробовать писать тексты, – в нём вдруг проснулся поэтический дар. Когда он показал ребятам готовые стихи, им пришлось признать, что у него это здорово получается, и, беззлобно подтрунивая над ним, они даже не подозревали, что оттачивают своё остроумие на самородке.

– Слушай, классно! Ты прям как этот, как его?.. – Алекс никак не мог найти подходящее сравнение.

– Самуил Маршак! – подсказал Фил.

– Да ладно, ты... – вступился Алекс, обиженный за друга. Он не мог скрыть своего удивления. Они учились вместе

с первого класса, прекрасно знали кто на что способен. И вдруг оказалось, что под видом обычного губошлёпа скрывался настоящий поэт. Это ж надо! И как это ему удаётся? Сам он никогда не смог бы так красиво напустить туману, да ещё и срифмовать.

– Вот! А вы говорили, что я ни на что не гожусь. – Польщённый Лёка просиял.

Лёка, учитывая критику друзей, не переставая шлифовал свой поэтический талант. Ребята не без ехидства, пользуясь лексиконом Гортензии Георгиевны, признавали, что каждое новое стихотворение было «шедевральнее» предыдущего.

– Слышь, Лёка, раз у тебя пошло, ты пиши. Но, скажу тебе прямо, если ты собираешься писать, как все, про небо, облака, вот это вот: лесок – колосок, радуга – дуга, то продолжай в том же духе. Но если ты хочешь, чтобы на твои стихи слагались песни для рока, послушай меня. Выбери серьёзную тему.

– Ну, например?

– Слушай, а напиши что-нибудь эдакое, апокалиптическое! – Рискуя споткнуться на трудно выговариваемом словечке, Роман решил блеснуть перед ребятами эрудицией.

– ??? – Друзья переглянулись. – О чём?

– О крахе всего человеческого мира. Лютики и рябинки, трали-вали – это никому не интересно, так каждый дурак может. Ты смог бы постараться и написать что-то подходящее для рока? Ты пойми, людям нужна правда. Вот тогда все ста-

дионы будут рыдать.

Однажды Лёка подошёл к друзьям и со скрытым трепетом протянул Роме листок с новым стихотворением. Ему хотелось бы самому прочитывать его вслух, с авторскими ударениями, с выражением, со смыслом, который он вкладывал, передать ритмику стиха. Но он представил, как будут смотреть на него, малорослого поэта, мальчишки, покатываясь со смеху, и решил не портить обедню.

Рома пробежал глазами лесенку строк и, как истинный поэт, сунув ладонь за борт пиджака и встав в стойку, с пафосом Маяковского начал читать вслух:

«23:00. – ВСЕМ НАЗНАЧЕНО: НОЧЬ»

Двадцать три ноль–ноль, всем назначено: «ночь» –
Веселиться, шуметь запрещается.

Вся огромная наша страна
В чёрный ящик пустой превращается...

Потом с утра по радио долдонят,
Долдонят каждый раз,

Что трудовые будни, как праздники для нас!
Должно быть, убедительно для всех народных масс...

И, отышачив с радостью, (Хоть вроде не кретин),
В отличном настроении – за жрачкой в магазин...

А там, в такой привычной очереди,
Когда уж впору просто с ног валиться,
И ничего уже вообще не хочется,
Нет, вру. Хотелось бы за всё отmaterиться.

От съезда к съезду мы растём и крепнем,
Нас убеждают – лучше нам живётся, Но...

После съезда мясо убирается,
А перед съездом снова достаётся.
Реклама предлагает нам товары
Для нашего прожиточного мизера.

О них услышать можем мы по радио
И даже посмотреть по телевизору.

Зато у нас огромные успехи,
Мы трудовые празднуем победы,
И все возможные перекрываем нормы,
И с гордостью везде орём об этом.

В восторге все должны быть от какой-то
Доярки, типа Клавы Ивановой,

Но непонятно,
Как ей удаётся

Три нормы выжать из одной коровы.

А, впрочем, как тобой не восхищаться,
Воспетый в наших песнях милый "край",
Но почему же все в Америку стремятся
И негры не бегут в "советский рай"?!

– Да, не слабо... Всю изнанку нашей жизни точно передал,
– похвалил Рома. – Слушай, а ты случайно не содрал это у
каких-нибудь диссидентов?

– Да ты чё?

– Смотри, а то вместе с ними «загремишь под фанфары»,

– назидательно сдвинув брови, поддержал Фила Алекс.

Впервые Лёка не только не обиделся на друзей, но, наоборот, очень обрадовался такому замечанию, в котором узрел и скрытый комплимент, и одобрение. Это уже было своего рода признанием его таланта. Самые главные слова были сказаны. Его друзья, беспощадно критикуя всех подряд, незаметно для себя поставили его в ряд с настоящими поэтами!

– Ваще-то это не я пишу, они сами собой как-то пишутся.
– Под действием лести он так размяк, что случайно открыл секрет своей кухни.

– Так, может быть, ты у нас гений? – уставившись на него пристальным взглядом, ехидным голоском спросил Алекс.

– Не-а, ты что! Чтобы стать признанным гением, нужно сначала умереть, – парировал довольный Лёка. Никто не знал, чего ему стоило соответствовать друзьям, которые были старше его на год.

– Хочешь сказать, что ты прирождённый поэт, что у тебя от рождения в башке шарманка заложена? – Фил с пониманием кивнул головой, как доктор на безнадежно больного, и развёл руками. – Ну вот, первые звоночки мании величия уже есть, а ведь это, батенька, только начало!

– Слышь, а может, ты и музыку сможешь сочинить? – на полном серьёзе поинтересовался Алекс.

– Надо попробовать. – Наконец-то и для Лёки закончилась полоса, когда он терпел насмешки товарищей, вот и он снискал себе уважение.

– Представляешь, как было бы здорово играть свои вещи, – мечтательно заметил Алекс, на мгновение почувствовав тепло лучей славы, освещающих три небольшие фигурки на сцене огромного стадиона.

Глава 8. ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ

Однажды в местной газетке появилось объявление о продаже барабанной установки. Цена не была указана, но можно было представить, что стоит она баснословно дорого. Рома показал объявление ребятам, и они вместе стали думать, где взять деньги. Никому из них даже в голову не приходило отказать от этой бредовой затеи. Варианты рассматривались разные – заработать, занять, найти спонсора. Для начала решили позвонить и договориться о встрече, чтоб только посмотреть барабаны.

Блеск барабанов ослеплял, цена оглушала. По их представлениям перед ними, сияя хромовым покрытием, красовалась не просто превосходная установка, а какой-то космический аппарат. Ребята ехали домой раздавленные. Где взять такую сумму? Даже если к деньгам от проданных коллекций марок, старых монет, значков, которые собирали всю сознательную жизнь, двух перочинных ножичков, фонариков и всего, что так мило сердцу подростка, целый год мыть машины, таких денег им всё равно не собрать.

Надеясь, что музыкальная школа приобретёт барабаны, было бесполезно. Но вот во Дворце культуры были кое-какие инструменты. Конечно, это было не то, что могло потрясти,

но означало, что в принципе у них есть возможность приобрести их.

– Я придумал, – сказал Рома, – идём к директору ДК «Строитель».

– А что ты ему скажешь? – Ребята не представляли, каким образом можно уговорить незнакомого взрослого дядьку, чтобы он купил им барабаны.

– Там по ходу дела видно будет, – сосредоточенно, по-деловому ответил Рома.

Потоптавшись немного у двери директора, ребята вошли в кабинет.

– Заходите, заходите. Слушаю вас.

Молодой мужчина стильного вида, в чёрной водолазке и серых наутюженных брюках с интересом поглядывал на подростков.

Рома нерешительно начал объяснять.

– Вы, Виктор Николаевич, наверное, ещё не знаете, у нас в школе создана рок-группа...

– Да ну? Хорошо! А что вас привело ко мне? – Директор, сам увлекающийся рок-музыкой, был приятно удивлён, но не показывал виду.

– У нас нет инструментов!

– И что вы хотите этим сказать?

– Что без установки, э... – Рома спешно должен был придумать весомый довод, – э... мы не сможем принять участие в зональном смотре! Мы же тренируемся на самодельных ин-

струментах, э... на коробках там, на стульях...

— Вот оно что! Понятно, пыль выбиваете ложками из дивана? Пробыте дробь на разных поверхностях? Соседи ещё не вешаются от равномерного тюканья по ушам? — Рома только кивал головой в знак согласия, видя, что Виктор Николаевич, прекрасно разбираясь в этом вопросе, слегка подтрунивает над ними.

— Ну, вы всё правильно делаете. А знаете, чтобы учиться играть на ударных, установка не обязательна. Даже наоборот, неумелой игрой можно неправильную технику выработать, да и пластик попортить. Для начала технику отрабатывать можно на... — он нагнулся под стол и достал оттуда корзину для бумаг, — пластиковых вёдрах.

Видя, как от его «ценных» советов юноши завяли, он взял со стола пару карандашей, наигранно комично съехал в расслабленной позе на стуле и, подражая барабанщику, максимально задействовав руки и ноги, рассыпав серию быстрых стремительных ударов, изобразил, как ударник стучит по тарелочкам: «тыщ, тыщ, бум, тыщ, тыгдым, тыгдым».

— Вот так и координацию можно тренировать. Смотрите. — Он начал азартно наяривать ритм и напевать, заодно имитируя голосом разные инструменты. Мелодия была как будто знакома, но, когда он пропел: «Джимми, Джимми, Джимми», и, развернувшись к ним, указал карандашами в их сторону, они хором гаркнули: «Ача, ача, ача». И все дружно покатались со смеху.

– Ладно, идите, отработывайте технику, но я вам ничего обещать не могу.

– Ага, это как в сумасшедшем доме: «Вот научитесь плавать, тогда нальём воду», – сморозил осмелевший Рома.

– Как твоя фамилия? – Ему нравился этот настырный заходила.

– Филонов.

– Филонов, ты что, забылся, я всё-таки директор Дворца культуры. – Он сделал ударение на «культуру», последовала многозначительная пауза. – Да, и главное: прежде чем отвечать, подумай хорошенько. Первое: способен ли ты часами высиживать за инструментом? Это крайне изнурительное занятие, ударные требуют приличных усилий. Быть барабанщиком – это не просто наяривать ритм, но и проливать литры пота, часами выстукивая простейшие рисунки. Готов ли ты распрощаться со свободным временем?

– Я смогу.

– Сможешь? Второе. Барабаны – инструмент дорогостоящий. Ты готов отказывать себе во всём, лишь бы накопить на самый паршивый набор для начинающих?

– Мне ничего больше не нужно.

– Да что вы говорите?! – с лёгкой иронией покачал головой директор. – Имей в виду, барабаны – это вообще самый громкий инструмент. Тебе-то что, а вот окружающим, родным, соседям и другим нормальным людям это почему-то не нравится. Всех бесит, когда им по мозгам долбят. А тех-

нику-то надо отрабатывать! Готовься к скандалам, упрёкам, конфликтам. Ну что, страшно?

– Да мы уже нашли местечко – собираемся в гараже.

– Учти ещё вот что: на репетиции будешь ездить как мешочник – со всех сторон обвешанный своими барабанами. А весят они в целом килограммов сто. Я так могу до завтра продолжать, и вывод всё равно будет один: быть музыкантом – это прежде всего труд и время, а слава, она как линия горизонта: маячит где-то впереди, и чем ближе ты к ней приближаешься, тем быстрее удаляется. Не обольщайся!

Виктор Николаевич смотрел на этого парнишку и по-своему завидовал ему. Не было в нём сомнений, пустых мечтаний, ничего лишнего, что могло бы помешать сбыться его намерению, – он знал, чего хочет. Такое редкое ценное качество вызывало уважение. «Этому паруснику не хватает только умелого управления. А я знаю, как поймать ветер в паруса, чтобы двигаться быстрее, а главное, в правильном направлении. Если увлечённость и упорное стремление этих ребят умножить на мои знания, опыт и умение, из этого вполне могла бы получиться рок-группа. А что, если действительно стать руководителем такого музыкального коллектива? Сколько времени потратил я понапрасну, сделав приоритетом карьеру музыканта и ломясь в закрытые двери. Все мои усилия были никчёмным, бездарным, бесперспективным занятием. Пыжился, злился, трепал себе нервы попусту. А вдруг в действительности моё призвание совсем не

в этом? Зачем сокрушаться, что сам не смог пробиться на сцену? Ну, не вышло из меня артиста, ладно. Зато они меня слушают, мне есть чему научить их. Ведь то, что я могу передать, им больше взять неоткуда. Да если бы у меня был такой учитель, моя карьера сложилась бы более удачно. Так, может быть, дело моей жизни – взращивание талантов, а во все не сцена? Вот и ответ на мой вопрос «в чём смысл моей жизни?» Спасибо, пацаны! Я же Виктор, «победитель», а до сих пор не оправдал имя, полученное авансом».

– Ну что, ещё не передумал?

Рома молча затряс головой – нет!

– Тогда запомни: чтобы научиться играть на барабанах, нужно терпение, терпение и ещё раз терпение. Как говорил Суворов, тяжело в учении – легко в бою! – Это звучало как обещание. И глаза его при этом как-то заговорщически прищурились.

Глава 9. БАРАБАНЫ

Загоревшись идеей создать настоящую метал-группу, Виктор Николаевич постарался убедить секретарей горкома комсомола в необходимости открыть в городе под эгидой комитета ВЛКСМ рок-клуб. «Надо выманить из гаражей и подвалов «подверженное тлетворному влиянию Запада» подрастающее поколение, сгладить некоторое напряжение в отношениях с молодёжью, которая стала выходить из-под контроля, и держать её у себя на виду. Если вовремя не увлечь молодёжь какой-нибудь идеей, то всегда найдётся тот,

кто сумеет обратить её в свою веру».

В это трудно было поверить, но в горьком ВЛКСМ готовы были пойти навстречу и пообещали найти возможность для приобретения комплекта музыкальных инструментов, и очень скоро во Дворце культуры появились две электрогитары и стандартная барабанная установка.

К тому моменту, когда Рома пришёл в ДК, у него уже был кое-какой навык, была развита постановка рук и ног. Но когда ему впервые предложили сесть за настоящую ударную установку, у него от волнения так тряслись коленки, что он засомневался в своих силах. Пока он сам не попробовал стучать на барабанах, думал, что на них играть проще, чем на гитаре или на клавишных. «Чтобы фигачить по тарелкам в такт, большого ума не надо». А сев за ударную установку и взяв в руки палочки, пытаясь выбивать ритм, понял насколько это сложно. Поначалу даже извлечь чистый звук оказалось не так-то просто.

Но Виктор Николаевич верил в него.

– Ну, что? Бум-тыц, тыгдым-тыгдым ты уже умеешь. Если хочешь научиться играть что-нибудь ещё, нужно усвоить посадку и постановку рук и ног. Если не "поставить" руки и ноги, ты не сможешь играть быстро или медленно, мощно или тихо, но в любом случае качественно! Вот бы тебе показать, как движутся руки и ноги профессионального барабанщика, как он извлекает звук из барабана. Видел бы ты, как он на барабанах выписывает рисунок ритма. У него ру-

ки, ноги и мозг работают настолько слаженно, что он совсем не устаёт, а получает кайф. Скоро сам узнаешь, когда у тебя начнёт получаться...

Первые уроки Рома получил у Виктора Николаевича и, быстро усвоив азы игры на барабанах, уже через полгода разучил несколько расхожих, простых ритмов. Но Виктор Николаевич убеждал не впадать в иллюзию, не мнить себя настоящим барабанщиком.

– Ты не думай, что барабанщик работает руками и ногами, он работает в первую очередь головой. Чтобы по-настоящему начать играть на барабанах, нужно примерно года два развивать мышцы и, главное, мозги, приучая их к непривычным движениям и нагрузкам, чтобы довести работу до автоматизма. Для этого нужно время и упорство, но зато, когда твои руки-ноги станут работать автоматически, появится лёгкость, выносливость, сила, качество удара, динамика игры. Результат превзойдёт все ожидания.

«Если кому-то и требуется два года, то для меня – максимум год», – решил для себя Роман.

Рома был упрям. Увлёкся так, что день и ночь мог не вылезать из-за барабанов, и в самом деле забыв обо всех других делах. Родители заседали на него, увещевали, совестили. Отец, кипя от гнева, говорил: «Ты бездарь, всё равно ничего путного из тебя не выйдет». Мама, напротив, пытаясь образумить, взывала к его самолюбию: «Этим увлечением ты губишь себя, транжиришь на чепуху драгоценное время, ко-

торое должен посвятить подготовке к музыкальному фестивалю. Это такой шанс! Я прошу ради меня, ради твоего будущего. Ты одарённый, у тебя прекрасные способности. Ты смог бы добиться признания и известности. Что ты нашёл в этой бездарной, тяжёлой, агрессивной, я даже не хочу музыкой это называть?! Если б ты был двоечником и хулиганом, я ещё бы поняла такую тягу, но ты! – И, видя, что нотациями его не проймёшь, срывалась: – ...Может, ты ещё и патлы отрастишь, рванину на себя напаялишь и будешь башкой трясти, как припадошный?»

Притом, что Роме совсем не хотелось огорчать и разочаровывать свою добрую, милую маму, которая, видя в нём многообещающие способности, надеялась, что он вырастет и сможет воплотить её мечты в реальность, взаимные обиды только росли. Мама плакала, просила одуматься. Из-за её постоянного недовольства, частых упрёков, претензий непременно сделать из него человека, достойного разделить с нею любовь к возвышенному, Рома всё время чувствовал себя виноватым перед ней. Но то, как она светилась тихой радостью, сидя рядом с пианино и глядя на его руки, когда он занимался, было для него самым большим, немым укором.

Школьные учителя тоже заметили в нём перемену. Если раньше на уроках он всё-таки проявлял признаки присутствия, то теперь отсутствовал совершенно. Узнав о его одержимости ужасной, «просто демонической музыкой», математичка с ревностным сожалением заметила:

– Подумать только, часами тупо, бездумно выбиваешь дробь на туземных барабанах и глух к той истинной музыке и гармонии, что содержится в математике. Обидно, такая светлая голова и так бездарно пропадает! Ты же обкрадываешь себя! Математика открывает целый мир совершенства, а ты даже не догадываешься, что он существует. Математика как океан – ни переплыть, ни достичь дна. А ведь ты, если бы захотел и не пропускал всё мимо ушей, мог бы быть не просто математиком, а учёным! Мог бы постичь невероятную красоту и гармонию математического построения.

Это была не шутка и не грубая лесть симпатизирующей ему училки, а чистая правда. Действительно, математика легко давалась Роме, но он был абсолютно равнодушен к ней и поэтому не считал нужным её изучать. Для этого математику необходимо было полюбить. «Вот ещё и математичка привязалась! Хвалит меня, а потом заставляет всякие дурацкие формулы учить. Да если я суть понимаю, мне проще самому вывести формулу, чем её запоминать. Уж лучше бы все махнули на меня рукой и просто не замечали. Какое мне дело, что кто-то влюблён в математику, а кто-то в классическую музыку?» – думал Рома. Можно подумать, что, предпочтя классической музыке и божественной математике какие-то примитивные тамтамы африканских аборигенов, он мешает им прикасаться к великому.

Напрасно его увещевали, – он не собирался ничего менять в себе. В нём горела непреодолимая страсть. Он жил этой

идеей.

Глава 10. ИМИДЖ – ВСЁ!

Идея жила в нём. Проникнув в сознание, она постепенно стала обрастать материальными атрибутами. Сначала появилась отшлифованная до серебряного блеска октябрятская звёздочка «Ленин маленький с кудрявой головой», цепи, самодельные напульсники с шипами и целый иконостас из значков с кумирами, нацепленных на футболку. Но всё это были лишь мелкие брызги «тяжёлого металла».

Резко отличавшийся от всех внешний облик кумиров, одетых в чёрную кожу, изобилующий множеством клёпок, шипов, длинными волосами, отталкивающий законопослушных граждан, для подростков был притягателен именно своим антуражем, выражающим мужественность, силу, натиск. Ребятам хотелось придумать для своего имиджа тоже что-нибудь «забойное», чтобы эта разница сразу бросалась в глаза. Культ хэви-метал требовал жертв, и, чтобы быть не хуже других, ребята были к ним готовы.

Чёрное кожаное немецкое пальто, чудом сохранившееся с военных лет, по какой-то причине не ставшее вместе с баяном музейным экспонатом, было по-братски разделено на троих.

Старый сапожник, которому ребята решили поручить свой заказ, уговаривал Рому сделать из пальто одну, но приличную куртку. Конечно, иметь настоящую косуху было большим искушением для Ромы, но не могла же его группа

носить её по очереди, когда впереди уже маячили выходы на сцену.

Поставив перед сапожником задачу, Рома пояснил, что только ему, такому опытному мастеру, а не обычному портному, они могут доверить столь ответственный заказ. И тот, изо дня в день монотонно латающий башмаки, польщённый доверием будущих рок-звёзд, дивясь такому редкому случаю проявить своё умение, взялся выполнить заказ. В душе он тоже был поэтом.

«Вот же, умели раньше кожу обрабатывать. Вот выделка была! По сей день мягкая и прочная». – Качая головой, он разлоскутил пальто, убрал облупленные куски, стачал некоторые детали грубыми металлическими молниями, налепил побольше клёпок, собрав таким образом три совершенно отпадных жилета. И взял с ребят за работу сущие копейки, – то, что смогли наскрести.

Жилеты необходимо было дополнить чёрными майками. Их тоже непросто было достать. В те годы майки могли быть белыми, голубыми и даже жёлтыми, но чёрными – никогда. Перекрашивали майки у Ромы, выбрав денёк, когда родителей не было дома. Заляпали всю кухню и потом долго мыли и драили её. Краска – просто зверь, – не оттиралась, но майки из смесовой ткани плохо прокрасились, неожиданно вместо насыщенно чёрных получились серо-буро-малиновыми. Такой результат их разочаровал, но не остановил.

– Скажи, как бы зыко³смотрелась надпись на чёрном...
– не выдержал Алекс, когда они начали расписывать масляной краской готический логотип любимой группы по заготовленным картонным трафареткам. Фил и Лёка не могли с ним не согласиться, но и замыкаться на неудаче не собирались, а стали обсуждать следующие шаги.

– Если ещё и джинсы достать, но только не польские или индийские – «рабочую одежду для нищих», а родные американские, фирменные ЛЕВАЙСЫ или МОНТАНУ...

– И лучше, если сразу потёртые, вот был бы шик!

– Блата нету, а так где взять? Купить у фарцовщиков?

– Ну и сколько же они могут стоить, если пластинку жвачки толкают за пятьдесят копеек?

– Не-а, джинсы не по карману, а если и найти подешевле, так можно налететь на самострок.

Глава 11. HAIR⁴

Как мальки, вынесенные мощным потоком в полноводную реку, ребята жадно ловили крохи сведений о рок-концертах, собирали фото музыкантов, вырезки из журналов. Стены в их комнатах были сплошь обклеены плакатами с лицами кумиров.

Под впечатляющим влиянием ярких личностей лидеров рок-групп, принимая за чистую монету образы, воплощённые на сцене, подростки стремились к подражанию им в сво-

³ Зыко – классно. Молодёжный сленг.

⁴ Hair (англ.) – волосы.

ей собственной жизни, за что и подвергали себя насмешкам, нареканиям и даже физическим воздействиям.

В школе нагнеталась напряжённая обстановка вокруг ребят, обрастающих длинными волосами, цепляющих на себя железяки и кожаные ремешки с заклёпками и шипами. Таким вызывающим внешним видом они порочили общий облик школьника. Учителя запрещали носить непонятную атрибутику и длинные волосы.

Сначала ребята отмалчивались, обещали, что исправятся, оттягивая время, неосознанно надеясь, что так дотянут до лучших времён, когда перестанут всех стричь под одну гребёнку и станут ценить индивидуальность каждого, а не его внешний вид. Но это не могло долго продолжаться.

Вскоре классная руководительница поставила вопрос ребром: они не будут допущены до занятий, пока не приведут себя в надлежащий вид, – подстригутся и снимут с себя эту сбрую. Рома попытался объяснить, что ещё в древности люди носили кожаные предметы с металлическими шипами для защиты. «Вот и хорошо, что древние века уже минули, и нам ничего не угрожает. Теперь можешь ничего не бояться и снять это, пока случайно не задел кого-нибудь», – с металлом в голосе сказала классная руководительница, давая понять, что тема закрыта, в таком виде им нет места в государственной школе, на уроки их не пустят.

В семьях ребят росло напряжение. Когда страсти накалились добела, Лёка, измученный беспрестанными бабушки-

ными головнойками, первый сошёл с пути, за ним не устоял Алекс, получивший от отца тумачков. Только Фил крепко держался за свои принципы. Его отец при виде сына закипал: «Дождёшься, что тебя просто вышвырнут из школы, покатишься по наклонной». Требовал, чтобы Рома постригся и выглядел как все, иначе он своими собственными руками попортит его гриву. «Я вышибу из тебя дурь!». Ромка же, понимая, что всё это неизбежно закончится грандиозным взрывом, старался не попадаться отцу на глаза, избегая с ним встреч.

Однажды Рома проснулся утром и обнаружил на подушке свои выстрадаанные, долго отрачиваемые волосы, которые уже можно было затягивать на затылке в какой-никакой хвост. Чтобы заставить его постричься, отец ночью поварски искромсал его hair.

Глядя на себя в зеркало, Рома чуть не расплакался от бессилья. Он готов был к любым гонениям, но такого подлого предательства, тем более от своего родного человека, он не мог ожидать. Притом, что ни отец, ни мама не понимали его, меряя всех на свой аршин, он надеялся, что они всё же должны уважать личность своего сына. Но раз они первые проложили межу в отношениях, следующий шаг был за ним. Он не станет раскисать, как Злотник, не уступит под давлением семьи, как Санёк. Вместо того, чтобы, оплакав свой хвост, покориться, он выльет своё негодование на головы родителей и поставит перед ними ультиматум. Если они будут мешать

делу его жизни, то он уйдёт из дома, но рок не бросит.

Глава 12. РОДИТЕЛИ

Мама, увидев, как обкорнал Рому отец, схватилась за голову:

– Ромик, прошу тебя, умоляю, прости его. Не держи на него зла, сыночек. Это твой отец! Волосы отрастут, а отец... Ты же не знаешь... Ведь он это сделал из лучших побуждений. Вот так он понимает свой отцовский долг. Спасти тебя хочет.

– Почему это вы решили, что меня надо спасать? Родили, теперь вы за меня и жить будете? Как в детстве: конфетку дадут, с мамой поделись, теперь с папой поделись. Да ешьте сами свою конфетку, лучше б совсем не давали. Спасибо, конечно, что не спали ночами, кормили, одевали, всё такое, но теперь я сам распоряжаюсь. И чего вам всем от меня надо? Слушали бы свою любимую классику, решали бы уравнения до посинения, но только без меня. Не надейтесь – ни математиком, ни пианистом я не буду. Мне противно всё, что вы мне навязываете. От ваших формул, правил, порядков, заведённых чёрт-те когда, потому что «так положено», задохнуться можно!

Дождавшись, когда его вспышка наконец стала угасать, мама взялась исправлять неудачную стрижку и устранять последствия слишком далеко зашедшего конфликта.

Чтобы выровнять волосы, их пришлось остричь машинкой почти под ноль. А вот объяснить взрослому, самостоя-

тельному сыну такой дикий выпад отца и примирить их, было и сложнее, и важнее.

– Понятно, ты считаешь, что родители плохие. Конечно! У тебя компания и барабаны на первом месте. Тебе уже пятнадцать, пора бы поумнеть. Как ещё мы можем выразить свою любовь? Только заботой о тебе. Неужели ты этого не понимаешь? Мы же родители. Ну у нас хорошей жизни не было. Мы жили простыми радостями. Так пусть хоть у тебя всё будет хорошо. Ты же не сирота. – Она тяжело вздохнула и, отведя взгляд в сторону, решила, что пора серьёзно поговорить с сыном. – Ты же не знаешь, каково это, остаться без родителей. А вот мы с отцом детдомовские, дети врагов народа. Кому мы вообще были нужны? – Она потрепала Рому по свежестриженному ёжику и, прижав его к себе, стирая набегающие слёзы, продолжала:

– Моего отца арестовали прямо у дома. Мать увидела в окно, как ему скрутили руки и, затолкав в машину, увезли. Она схватила меня за руку, а мне только четыре годика было, и побежала за ними. В отделе НКВД стала доказывать, какой папа честный, хороший человек. Но оттуда нас уже не выпустили. Хорошо помню, как мама кричала, перепуганная до смерти. А меня оторвали от её юбки и отправили в детдом.

Она смотрела на сына и думала: «Как же в словах передать всё, что выпало нам, чтобы он мог представить себе хоть малую долю того, что пришлось пережить? Как рассказать, что с тех пор, чувствуя себя растоптанным, поломанным де-

ревцем, я замкнулась, надолго замолчав. Детдомовский доктор определил, что я онемела от потрясения. Сказал, что это можно исправить таким же неожиданным испугом, и он постарается вернуть мне речь, когда я успокоюсь и приду в себя. Хорошо, что на меня никто не обращал внимания, воспитателям без того хватало работы.

Однажды ко мне подошёл шестилетний мальчик и на ушко сказал, что знает мою тайну, но никому не выдаст её, ведь на самом деле я могу говорить, но просто для себя решила молчать. Так я поняла, что не одинока. Мой друг жалел меня, старался опекать, разговаривая за двоих, и скоро стал мне таким родным человеком, каким может быть брат. У него тоже никого из родных не осталось. Постепенно я разговорила. Учителя у нас были хорошие, мне было интересно учиться.

Детство прошло, и, выйдя из детского дома, мы так и пошли по жизни, вцепившись друг в друга. Сначала как брат и сестра, а потом как муж и жена. Страх жизни был так силён, что мы поклялись никогда о детстве не вспоминать, закрыв наглухо дверь за своим прошлым. Для нас это была слишком болезненная тема, которую хотелось искоренить из памяти, и жить сегодняшним днём. Нам не хотелось, чтобы пережитое омрачало и счастье нашего сына».

— У меня осталось два светлых воспоминания о детстве — это дружба со Стасиком и пение в хоре. Для меня это было таким счастьем! Знаешь, когда мы пели, моя душа улетала в

прекрасную страну, в такой особенный, светлый мир, где нет фальши, где все счастливы и рядом мама. – Комок в горле мешал ей говорить.

– Мы росли одни, как будто до нас никого не было, доходили до всего своим умом. Что мы знали, что могли? Как понимали, так и жили. Учились, набивая шишки. Даже не знаю, трудно ли это было, – нам казалось, что так жили все. А сейчас такая жизнь наступила, о которой мы и мечтать не могли. Было бы большой ошибкой отказаться от возможностей, которые она даёт. Поэтому своего сына нам хочется уберечь от легкомысленных, глупых поступков. – Боль от пережитого отражалась на её лице. – Ты уж прости нас, сыночек, и не отрекайся!

Рома был ошеломлён. Никогда родители не рассказывали ему о своём детстве, стараясь незаметно обходить эту тему. Да ему это было и ни к чему, у него своих интересов было полно. Только сейчас он припомнил, как иногда ощущал присутствие некоей невидимой двери, скрывающей за собой тайну, время от времени натываясь на неё, но только сейчас она приоткрылась. Действительно, ведь они тоже когда-то были детьми. Но Рома ничего не знал об их детских годах. Они никогда не рассказывали ему о своих поступках, не приводили примеры из своего детства. А теперь многое становилось понятным.

Когда Рома представил себе, сколько пришлось пережить его родителям, он почувствовал такую пронзительную жа-

лость к ним, как будто эти взрослые люди так и остались теми невыросшими детьми. И та невидимая связь, которая удерживала вместе таких разных людей, теперь стала понятна. Прошедшие в детском доме годы были тем общим, что скрепляло этот союз. Ему вдруг открылось, как любят его родители, дорожат им, своим самым ценным достоянием. Все их надежды и перспективы связаны с ним, и всё, что делают они для него иногда неуклюже – всё продиктовано заботой о нём. Им самим жизнь не дала таких возможностей. Наоборот, у них с самого раннего возраста отняли опору, защиту и надежду, изломав жизнь на самых ранних порах. А сколько любви было во всём их стремлении дать ему то, что, по их разумению, было величайшим благом. Он увидел собственную тупость, поняв, чем продиктованы их мечты и намерения. У них был небогатый выбор. Чем же он должен ответить?

Глава 13. ВЕРНЫМ ПУТЁМ ИДЁТЕ, ТОВАРИЩ!

Внезапную перемену в своей внешности Рома переживал мучительно. Он уже успел вжиться в имидж рокера, который был под стать его характеру, – был второй натурой, облачённой в доспехи на пути к заветной цели.

Не желая свыкнуться ни с требованиями окружающих, ни со своим новым видом, чувствуя себя униженным и оплётанным, чтоб не позорить себя перед классом, решил в школу не ходить. Но репетиций ни при каких обстоятельствах не мог пропустить – предстоял смотр творческих коллекти-

вов. Виктор Николаевич, считая, что ребят пора выводить на публику, каким-то чудом сумел втиснуть их группу в список участников предстоящего смотра.

Они репетировали «Звезду по имени Солнце» Виктора Цоя, «Скованные одной цепью» Бутусова и «Поворот» «Машины времени», – то, что хорошо знали и смогли подобрать. Подвести коллектив Рома не мог. Он и так-то всё свободное время проводил в рок-клубе. А тут ещё выяснилось, что им разрешат исполнить что-то одно, и только после утверждения художественной комиссией.

Все очень волновались: ребята, – что не справятся, – это был их первый выход на сцену, а Виктор Николаевич прикидывал, как будет кормить семью, если за потакание разлагающей идеологии его погонят с работы. Он строил свои отношения с ребятами на добровольно-доверительной основе и, позволив им делать всё, что захочется, сильно рисковал, поскольку они, используя на всю катушку своё право выбора, готовили для выступления то, что было модно, но и запретно.

Несмотря на то, что «АССУ» и «Иглу» посмотрела вся страна, а рок-группы уже стали выпускать на гастроли за рубеж, рок всё ещё считался андеграундом. И по старой привычке все оглядывались на начальство, особенно те, кто знал, что группа «Кино» как самая идеологически вредная числится в чёрном списке Министерства культуры СССР.

Утверждение репертуара худсоветом зависело от мнения

руководства, состоящего из консервативных пожилых политработников, настроенных против веяний западной культуры. В случае промаха зарабатывать на жизнь Виктору Николаевичу пришлось бы, как большинству рокеров, кочегаром, сторожем или дворником. Оставалась одна надежда: в провинции, отдалённой от идеологических центров, можно было позволить себе гораздо больше, чем в столице и больших городах. Да и жёсткость хватки была уже не та.

Виктору Николаевичу достаточно было одного взгляда, чтобы понять ситуацию, сложившуюся вокруг Ромы. Он обратил внимание на жалкий вид недавнего героя, который чуть ли не ёжился под взглядами, чувствуя свою неполноценность.

– Рано ты что-то раскис, – кивнув на его новую стрижку, заметил Виктор Николаевич. – Знал бы ты, через какие испытания и искушения, битвы и поражения придётся тебе пройти, чтобы достичь своей цели, дружок! А борьба-то предстоит не просто со Змеем Горынычем, а с Самим Собой любимым, вот в чём секрет. Обуздаешь лютого зверя – гордыню свою, привезёт она тебя на высочайшую вершину. Нет – сбросит в адскую бездну. – Он задумчиво вздохнул. – Я сам знаю, как трудно добиться чего-нибудь стоящего, когда в тебя никто не верит. Главное – самому в себя верить! Умей повернуться спиной к пережитому и идти вперёд. – Он явно представлял себе, что испытывает этот малый, поскольку в этом же самоутверждающемся возрасте побывал

в его «шкуре». – Между прочим, и в Англии, и в Америке длинноволосые деды хард-рока, прежде чем стать известными, прошли через оскорбления и нападки. Это ты ещё достаточно лохматый, – он пригладил его бритый ёжик, – а вокалист группы Judas Priest вообще лысый. И ничего, его успеху это не мешает. Да и у Iron Maiden был казус. Когда их наконец-то заметили и, казалось бы, дела пошли в гору, перед самым подписанием контракта им выдвинули условие – постричь длинные волосы.

– А они? – К радости Ромы, в общих тенденциях улавливалась схожесть мотивов с братьями-рокерами.

– Мейдены ответили категорическим отказом.

– От чего? – На самом деле его уже не волновали тонкости. По еле заметному совпадению признаков он видел, что на верном пути.

– От контракта на таких условиях. Вот так-то! Не просто обломать «стальных». И вообще, давно замечено: тепличные растения не слишком жизненно стойки. Трудности закаляют человека, посмотри биографии знаменитостей. Разве получилось бы из них что-нибудь стоящее, если бы в детстве с них пылинки сдували? Не всё радужно в жизни мастеров. – Он видел, что Рому слегка отпустило, и парень уже переключил своё внимание с неудачной причёски на более серьёзные приоритеты.

– Возьми Джимми Хэндрикса! – увеличивал обороты Виктор Николаевич. – Выдающийся, величайший гитарист

всех времён, изобретательный виртуоз, рос в, мягко говоря, непростой домашней обстановке. Начинал с пятидолларовой гитары, которую купил ему, девятилетнему мальчишке, отец после смерти матери. Когда Джимми подрос, за дерзкий угон был приговорён к двум годам заключения. Но адвокат сумел заменить его службой в воздушно-десантной дивизии. А он и в армии показал себя не с лучшей стороны. Его командир признал, что положительными качествами Джимми не отличался. А Хэндрикс-гитарист за свою сверхкороткую двадцативосьмилетнюю жизнь сумел внести в палитру рок-музыки небывалое звучание, расширив возможности самой электрогитары. Его невероятно скоростные атаки приводили в экстаз корифеев музыки, и уже при жизни его называли гением. Но за всем этим блеском и виртуозностью от зрителя скрывался колоссальный многолетний труд и учёба у тогдашних светил. С тех пор как Джимми Хэндрикс показал высший класс исполнения, хард-рок допускает в свою сферу исключительно виртуозных инструменталистов, что ставит эту музыку в один ряд с симфонической. Для таких достижений нужна негибкая воля.

После репетиции Виктор Николаевич обратил внимание, как распрямился Роман, готовый принять эстафету у лидеров тяжёлого металла.

Своей самостоятельностью и непоколебимой целеустремлённостью этот пацан внушал стойкое уважение к себе. Видя, что он готов до изнеможения сидеть за барабанами, и его

задатки, Виктор Николаевич представлял, насколько способный барабанщик может из него получиться. «Этого юнца не надо погонять, он сам всего добьётся».

Глава 14. АЛЬБОМЫ

В то время, когда поголовное увлечение музыкой вызвало бум среди поклонников, готовых слушать всё что перепадёт, магнитофонные записи кочевали из рук в руки, многоразовое перезаписывание кассет приводило к низкокачественному звучанию, резало слух искушённых любителей, для ребят стало большим событием приглашение Виктора Николаевича побывать у него дома.

Будучи страстным поклонником современной музыки, он старался любым способом добыть дефицитные пластинки, и был обладателем небольшого собрания записей мировых групп.

Своей феноменальной способностью добывать новые альбомы, когда ещё не полностью были сняты запреты на чуждую музыку, а своё в стране практически не производилось, в магазинах – шаром покати, он напоминал ребятам волшебника, достающего из рукава удивительные вещи. Он частенько бывал в Москве по делам. Каждый раз, когда ему удавалось достать новый виниловый диск или кассету, он звал ребят к себе и, дав подержать в руках эту величайшую ценность, ставил проигрывать. Благодаря ему ребята узнали, что стоит за впечатляющим антуражем и невероятной техничностью рок-музыкантов, слышали эталонный звук.

В коллекции Виктора Николаевича все известные мировые группы были представлены хотя бы одной единственной пластинкой: Битлз, Пинк Флойд, Дип Пёпл, Блэк Саббат, Лэд Зепеллин, Металлика, Айрон Мейден, Скорпионз, Нирвана, Мановар. И, конечно же, пластинки узаконенных русских ВИА⁵: «люющих песен» и «поющих сердец», первопроходцев рока, в горниле которых ковались кадры тяжеловесов хард-энд-хэви, поставляя металлопрокату готовых, закалённых рокеров: Ария, Мастер, Чёрный кофе, Коррозия металла, Круиз, Чёрный обелиск, КИНО, Наутилус-Помпилиус, Машина времени, Алиса.

Став проводником к вершинам рок-музыки, куда не всякому опытному музыканту по силам самостоятельно добраться, Виктор Николаевич старался передать трём подросткам всё, что знает сам. Он провёл их к корням и истокам хард-рока, открывая за бескомпромиссной манерой групп характер и стиль.

– Хэви-метал вобрал в себя музыку различных направлений: и классику, и народную музыку, но корнями он уходит в негритянский блюз. Deep Purple, Led Zeppelin – классика жанра. Их характерный почерк с сумасшедшей скоростью, мощным звучанием гитарных рифов и бешеным ритмом ударных наследуют другие металлические группы, но, в отличие от своих последователей, они открыты другим музыкальным влияниям. Этому тоже стоит поучиться. Вот по-

⁵ ВИА – Вокально-инструментальный ансамбль.

слушайте...

Ребята тем временем разглядывали рисунки на обложках альбомов. Мотивы, взятые прямо из преисподней, черепа и надписи стилизованным готическим шрифтом, казалось, были призваны вызывать ужас и благоговейный трепет. Смысл этой графики был известен только посвящённым. Алекс, держа в руках альбом «The Number of the Beast» Iron Maiden, думал, как бы, не выглядя дураком, узнать, что значит изображённая страшная маска на обложке.

– О, Iron Maiden – Железная Дева! – Виктор Николаевич как страстный поклонник не мог наслаждаться своим увлечением в одиночку. У него была такая особенная потребность – делиться с кем-нибудь своими впечатлениями. – Блестящие исполнители. Классика тяжёлого рока. Когда они ворвались на музыкальный олимп, всех претендентов как ветром смело. Такой звуковой шторм! Выразительную, повествовательную манеру Iron Maiden вы сразу узнаете, несмотря на быстрый, жёсткий саунд. Вы слышите как бы сказание. А это альбом 1982 года «Число зверя». Что, страшновато? Да, их даже в сатанизме обвинили. И, тем не менее, этот считается вторым величайшим хэви-метал альбомом всех времён.

Можно долго объяснять, о чём эти синглы. Здесь и история, и философия, и мистика. Но если быть кратким, скажем так: это серьёзные сказки для взрослых. Всё в сознании человека. То, что вы видите, слышите – ад, рай – всё это внутри человека, и он сам выбирает, где ему быть. А это символиче-

ское изображение человеческих пороков, их истинное лицо, скрывающееся под маской добропорядочности, тёмные стороны людского сознания. Человеческая личность заслоняет человеческую сущность, ослабляет её. И мы видим слабого, безвольного, обременённого проблемами человека, а не такого, каким он был создан первоначально – чистым, свободным, сильным. Понятие «рок» – это провидение, фатум, или неотвратимая судьба. Рок-музыка – это та скала, столкновение с которой разнесёт в щепки корабль твоих убеждений. Она призывает людей задуматься над своей жизнью, изменить её. И напористость, кажущаяся агрессивность в их исполнении присутствует не как тупая озлобленность на всё и вся, а как выражение отвращения к тёмным сторонам человека, старание разогнать дремоту, стряхнуть сон разума, стремление сделать мир лучше.

Не всегда ребятам было понятно то, о чём говорил Виктор Николаевич, но они принимали сказанное как предисловие, за которым откроется что-то новое.

Он прибавил звук. Ваза на тумбочке вздрогнула.

– Ого!

Виктор Николаевич, смеясь, приглушил басы.

– Ладно, хватит. Не будем больше раздражать соседей. А это ваш любимый «Свинцовый Дирижабль». Led Zeppelin в качестве новой идеи взял принцип живописи: импровизировать, создавая звуковые полотна с множеством цветов и оттенков, смешивая блюз, хард, хэви, фолк и акустику, объ-

единия звучание мощными рефренами. Manowar – означает борьбу до победного конца. За индивидуальность, за веру в себя. Ну и ваши крёстные отцы – «арийцы»... Трудно устоять под натиском обрушивающейся на тебя лавины. Ария возникла как альтернатива Iron Maiden, которая тогда была запрещена в СССР. Благодаря «арийцам» хэви-метал стал самым распространённым метал-жанром в стране. Вот их диск «Герой асфальта» наша фирма «Мелодия» выпустила. Причесали, конечно, кое-что исключили, кое-что изменили, но всё же выпустили. А каких трудов стоило всё это добыть!

Саня и Лёка слушали историю рок-музыки отвлечённо, как сказки об инопланетянах, не имеющие к ним никакого отношения, но Рома всё сказанное тщательно наматывал на пробивающийся ус, воспринимая применительно к себе. Неистовство тяжёлого металла обретало прочтение и смысл, мастерство исполнения завораживало, своим примером доказывая всем, что для упорного путника нет недостижимых вершин.

Слушая титулованных магистров рока, Роман жадно впитывал мастерство по каплям от каждого из них. Он внимательно следил за тенденциями в рок-музыке. Новоявленная супергруппа Metallica без раскрутки, рекламы самостоятельно завоёвывала мир, её феноменальный успех был оплачен богатством ритмических композиций, скрытой динамикой аранжировок, честностью и искренностью трудных тем: смерти, войн, наркотиков. Неподражаемый, скоростной

стиль трэш входил в моду как противовес появившимся в тяжёлом металле тенденциям помпезности. Из страны, где знают толк и ценят блюз, джаз, рок и металл, пришло известие о том, что потрясённая Америка лучшей группой восьмидесятых признала "Ю-2».

Новые направления, группы, решения, всё новое, свежее увлекало Рому, вселяя уверенность в правильности выбранного пути. Мастерство, образность музыки, философия содержания были для него мерилom высоты.

Но в то же время, уважая позицию легенд рока, он не мог простить им ошибки и промахи. Пристрастие к алкоголю и наркотикам перечёркивало все их заслуги. Гибельность такого пути, ведущего в пропасть, для него была очевидна и неприемлема.

Глава 15. СТАРЕЦ

Однажды августовским днём, когда каникулы приближались к концу, а разленившиеся учащиеся слонялись без дела, Лёка вертелся у распахнутого настежь окна. Настраивая горланивший магнитофон, чтобы всем хорошо было слышно, он увидел Рому, бредущего из булочной со свежим, изрядно покусанным батоном в руке.

Видя, что Ромка ничем особенно не занят, обрадованный Лёка покричал ему, чтоб тот подождал его. Рома остановился, продолжая отщипывать ароматную корочку и рискуя не донести хлеб до дома.

– Давай что-нибудь придумаем, сходим куда-нибудь, –

сказал для затравки Лёка, имея в голове совершенно определённый план.

– Не могу, у меня сегодня трудотерапия. Предки велели привести своё жилище в порядок.

Родители, стараясь приучать сына к труду, и в каникулы не давали Роме поблажек, требуя неукоснительного выполнения домашних обязанностей. От нескончаемых, бесполезных каждодневных дел он отлынивал всеми способами. Но сегодня всё-таки был вынужден этим заняться.

– А я думал тебя с собой позвать.

Лёка уже давно был поглощён одной идеей, которая не давала ему покоя, но, боясь быть осмеянным, не решался озвучить её своим друзьям. Да он и не хотел бы доверить кому-нибудь свою сокровенную тайну, но сам без посторонней помощи эту задачу не смог бы решить. Она касалась его будущего, требовала длительной подготовки, одобрения и поддержки авторитетного человека. Такой личности в окружении Лёки не было. Но он узнал, что нужный человек живёт где-то далеко за городом, в лесу.

– А ты куда? – Расставленная удочка сработала.

– К старцу.

– К...? Зачем?

– Да так... К нему и люди, и звери за помощью приходят. Говорят, он видит всех насквозь. Всё, как скажет, так и сбывается.

– А горы переставлять он может?

– Что ты ржёшь? Давай сходим к нему. Я благословение хочу получить.

– Это ещё зачем?

– Пусть скажет, что мне делать, я священником решил стать.

– Я щас со смеху упаду! – покрутил пальцем у виска Ромка. – Ты что, того, спятил? Эта твоя дурь тебя в монастырь заведёт.

– Ничего ты не понимаешь, – Лёка так и знал, что ребята осмеют его. И всё же их насмешки не могли поколебать его стремления, внутренне он уже собрался в дорогу.

– Ну, идёшь со мной?

Отправиться туда – не знаю куда, и добыть то – не знаю что в одиночку он не решался. Одному было скучно, а по правде сказать, и страшновато. Лёка не был смельчаком. Уж если кто-то в их компании и мог действительно считаться геройской личностью, так это Ромка. Его и в разведку можно посылать.

– Ладно. Пойдём посмотрим, что это за старец такой, – воодушевился перспективой приключения Рома.

– Ты можешь тоже чего-нибудь спросить, – обрадовался Лёка.

– Что, например?

– Ну, где находится Царство Небесное...

– Где же ещё, конечно, на небе!

– Вот, а ты уверен, что оно вообще есть?

Роме теперь были понятны мотивы перемен в друге. Лёка последнее время был какой-то задумчивый и тихий как никогда.

– Уверен. Сказки всё это! Чушь собачья!

Роме не нравился минорный настрой приятеля, но он уже понял – чтобы хоть чего-нибудь добиться, салаг⁶приходится опекать, направлять и подталкивать.

Вдыхая густой знойный воздух, друзья шли в сторону ущелья. Там, как говорили, в прохладе тенистого леса, отказавшись от мирских благ, жил отшельник. Не страшась ни змей, ни диких зверей, божий человек пребывал под покровительством Господа. Обителью ему служила убогая лачуга, расположенная вдали от людей. Питался он чем бог пошлёт, воду пил из ручья, на берегу которого его время от времени и встречали. Уверенные, что он способен совершать чудеса, к нему обращались за помощью.

Порядком подуставшие от длительного перехода, ребята остановились, чтобы, прежде чем двинуться дальше, передохнуть и окунуться в воду.

Вдруг к ним из лесных зарослей вышел монах в нищенском облачении. Это был глубокий старик, белый как лунь, худощавый, похожий на пришельца из седой древности, которому от немощи приходилось опираться на палку.

Ребята замерли от неожиданности, разглядывая святого, сошедшего со старинной иконы. Глядя пронзительно ясно-

⁶ Салага – молодой, неопытный солдат.

ми, живыми, лучистыми глазами на подростков, предугадывая их вопросы, как будто разговаривая сам с собой о том, что было понятно лишь ему одному, он произнёс:

– Царствие Небесное – родина человечества... А ты, – он указал в сторону Лёки суковатым пальцем, – зря стремишься в храм. Тебе нужно жить в миру. Священником будешь... – он обернулся к Роме, – вот ты, негр.

– Я? Почему я?

Рома вспыхнул от возмущения, дыхание его прерывалось, в нём всё клокотало от гнева. – Я не собираюсь работать попом. Лёка хочет, пусть он и будет!

В нём поднялась досада и на старика, и на приятеля. Это он для того, что ли, пилил два часа по жару, чтоб услышать этот бред?

– Знаете что... – Он постарался подавить в себе вспыхнувшее возмущение, взял себя в руки и попытался логически объяснить старику его ошибку.

– Знаете, я учусь в музыкальной школе, чтоб стать настоящим музыкантом. А музыканты выступают на сцене. И я буду выступать на сцене, и буду ездить на гастроли за кордон. – Рома, сжав зубы, в сердцах кивнул в сторону моря. Его всего трясло от негодования. – Я стану очень известным и богатым.

– Что ты, дитя моё! – Старец притронулся к нему своей сухощавой рукой, и Рома ощутил миллионы тончайших световых нитей, исходящих от его прикосновения. Старец смот-

рел ласково ему в глаза, как бы сквозь него, и видел что-то невыразимо прекрасное. Его пронизательные, ясные глаза смотрели в самую глубину души. – Всех богатств этого мира тебе мало. Тебя ждёт гораздо большее.

Рома, не отрывая взгляда смотрел на необычного человека и чувствовал, как под взглядом старца его вспышка затухает и чувство покоя и полного доверия наполняет его.

– Что он сказал? Ты понял хоть что-нибудь? Почему он меня негром обозвал? – возвращаясь домой, спрашивал Рома своего приятеля, расстроенного не меньше его. Лёка только пожал плечами, скривив недовольную мину. Ему тоже было обидно. С какой стати старец напророчил Ромке горы богатств, когда это он, Лёка, пришёл к нему.

– Мне, наоборот, показалось, что про тебя он очень хорошо сказал. Типа, что ты завоюешь весь мир.

– Вот увидишь, я стану музыкантом и уеду в Америку! – Рома кипел от бешенства. Всё его существо противилось невозмутимому приговору старца. Он злился на старика, который своим пророчеством посмел вмешаться в его планы.

Глава 16. КРИШНАИТЫ

И, может быть, Рома постарался бы забыть этот разговор, если бы не эти особые лучистые глаза старца и теплота его взгляда. Временами, вызывая из памяти

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.